

ФОЛЬКЛОР И СТИХИЙНЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ НАРОДНЫХ МАСС

Н. МИТРОПОЛЬСКАЯ

Отражение в устной поэзии стихийного материализма народных масс не раз привлекало внимание советских фольклористов. Много интересных наблюдений содержится в обширном труде В. И. Чичерова «Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков»¹, в книге В. Я. Проппа «Русские аграрные праздники»². Названные исследования посвящены русской календарной обрядовой поэзии. Внеобрядовый фольклор, также богатый ценными свидетельствами о характере народного мировоззрения и отличающийся своеобразным поэтическим выражением крестьянских взглядов на природу и человека, используется недостаточно. Можно указать работы общего характера о сказках, пословицах³, а также отдельные исследования, авторы которых обращаются к фольклору как к материалу для выяснения начального этапа русской материалистической философии. Так, в книге В. И. Чернова «Философия и фольклор»⁴ прослеживается процесс формирования философских категорий: исходя из содержания пословиц определяется народное понимание причинности, необходимости и закономерности, тождества, различия и противоположности вещей и явлений.

Поэтому представляется необходимым вовлечение в исследование этого вопроса нового материала, относящегося к различным жанрам крестьянского традиционного фольклора, использование неопубликованных записей сказок, загадок, пословиц, отражающих народный взгляд на природу и человека. В статье впервые приводятся записи фольклора, сделанные в русских поселениях Зарасайского, Аникшайского, Рокишского районов Литовской ССР.

В глубокой древности русская устная поэзия была единственной формой словесного искусства трудящихся масс. В ней народ формулировал свое миропонимание, свое отношение к окружающей действительности. В основе этих взглядов лежат «вполне ясные признаки материалистического мышления, которое неизбежно возбуждалось процессами труда и всей суммой явлений социальной жизни древних людей»⁵.

¹ В. И. Чичеров, Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков, «Труды Ин-та этнографии», Новая серия, т. 40, 1957.

² В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники, Л., 1963.

³ В. П. Аникин, Русская народная сказка, Учпедгиз, М., 1959; В. П. Аникин, Пословицы, поговорки, загадки, Учпедгиз, М., 1961.

⁴ В. И. Чернов, Философия и фольклор, Саратов, 1964.

⁵ А. М. Горький, Собр. соч. в 30 томах, т. 27, стр. 299.

Через труд человек познавал природу и подчинял ее себе, проникался оптимистическим сознанием своего значения, убеждался в силе человеческого разума. Народ в своем устном творчестве дает определение таким таинственным явлениям природы как небо, солнце, звезды, месяц. . . Вселенная рисуется народному воображению в образах, поэтических сравнениях и сопоставлениях, взятых из каждодневного реального быта, окружающего крестьянина-земледельца. Природа материализована в бытовых, обыденных сравнениях. Так, в загадках о месяце говорится: «Сивый жеребенок в подворотню влетит», «Без крыльев летит, без корней растет», «Что лесом идет, не трещит, через воду идет, не плещет?»; о ветре: «Выше леса, тоньше колоса», «Есть на свете конь, всему свету не сдержатъ»; о дожде: «Шел долговяз, в сыру землю увяз»⁶. Широко популярны загадки подобного типа о смене дня и ночи, о радуге, об огне, громе, о морозе и снеге и т. п. В этих загадках четко выражено стихийно-материалистическое понимание сущности природных явлений, существующих независимо от воли человека. Изменения в природе, ее развития и движение точно подмечено и поэтично передано динамикой описания трудовых и бытовых ассоциаций, ритмичным складом загадки, метким подбором глагольных обозначений самого действия: «Зимой греет, весной тлеет, летом умирает, осенью оживает» (лед); «Постелю рогожку, посыплю горошку, положу калач, никому не взять» (небо, звезды, месяц)⁷.

В описаниях явлений природы отчетливо выступает практический взгляд крестьянина — производителя материальных благ. Взаимоотношения человека и природы также обобщаются на основе крестьянского трудового опыта и носят стихийно-материалистический характер: «Много снегу, много хлеба»; «Много воды — много травы», «Как в мае дождь, так будет и рожь», «Не море топит корабли, а ветры». Загадки, песни также строятся на основе наблюдений, в которых проявляется материалистический взгляд на природу. В этих поэтических обобщениях, по меткому выражению М. Горького, «сжат трудовой опыт бесчисленных поколений». Так, например, о добывании героем огня поется в казачьей песне:

Как за речушкою за Кубанушкою,
Там ходил да гулял добрый молодец,
Добрый молодец, млад донской казак.
Он ходил-гулял, все коня спасал,
Сам огонь крысал шашкой вострою,
Разводил-раздувал полынью травушкой,
Он грел-согревал ключеву воду,
Обливал раны смертные⁸.

В сказках герой часто заставляет природу служить себе, меняться по воле и желанию трудового человека. Стихийные силы природы (ветер, мороз, солнце), звери, птицы, рыбы — все на стороне положительного героя сказки, помогая ему преодолевать препятствия и достигать поставленной цели. «Крылатая радость» фантастики народных сказок тоже основана на конкретном трудовом опыте и родившейся на его основе мечте о преобразовании окружающего мира. Чудесные помощ-

⁶ Здесь и далее все цитаты пословиц и загадок приводятся из следующих сборников: Загадки русского народа, сост. Д. Н. Садовников, изд. Моск. университета, 1959; В. И. Даль, Пословицы русского народа, М., Госполитиздат, 1957; М. А. Рыбникова, Русские пословицы и поговорки, М., АН СССР, 1961; «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков», М.—Л., АН СССР, 1961.

⁷ Эдспедиционные материалы кафедры русской литер. ВГУ, Рокишский р-н Лит. ССР, 1965.

⁸ Песни, собранные П. В. Киреевским, М., 1874, стр. 95.

ники героя сказки, «благодарные» животные, помогают овладеть силами природы, преодолеть препятствия. К этому направлены активные действия самого героя волшебной сказки. Спасаясь от погони, Иван Царевич бросает щетку и равнина превращается в непроходимую чащу; героиня бросает полотенце и — «делается широкая, широкая река»; из брошенного кремня вырастает каменная гора от земли до небес⁹. В записанной на территории Литовской ССР от русских старожилов сказке орел помогает герою: «Орел и говорит: — Дам перо. Вот как подожжешь, я явлюсь перед тобой. Орел дал ему перо. Юноша взял перо и пошел. Идет-идет — смотрит: огненная река. Думает: как перейти? Думал, думал, взял перо и поджег: — Орел, орел, явись передо мной! Орел прилетел и говорит: — Садись на меня. Он сел на орла, и орел перенес его через реку»¹⁰.

Глубоко материалистическая убежденность народа в том, что труд меняет природу, подчиняет ее человеку, нашла отражение не только в сказочной фантастике, а и в отдельных реально описанных сценах, включенных в сказочные сюжеты. Так, например, в сказке рассказывается: «И стали лес таскать. Как захватят — и с корнем выдернут, не очистивши сучки, в стопы складывают, избы делают»¹¹. В другой сказке Илья Муромец «Как возьмет дуб какой бы ни был за вершину и выдернет из корню без топора и закидал лесом всю Оку»¹². В былине «Исцеление Ильи Муромца» первым подвигом богатыря считается выкорчевывание леса под пашню¹³, прокладывание пути через топкие болота и зыбкие трясины¹⁴.

Реальную мотивировку и естественно-бытовое объяснение имеют многие превращения, одаривания в волшебных сказках. Так, чудесное изобилие продуктов, которые в одно мгновение появляются перед сказочным героем, объясняется высокой моральной оценкой этого героя. В сказке «Старик и журавль» старик отпускает пойманного журавля со словами: «Что же ты мне можешь дать за истоптанные посевы и за свободу, что тебя отпущу?» «Журавль сказал: «Имею под крылом сумочку, отдам ее тебе». Старик сказал: «А какая мне от нее польза?» А журавль отвечает: «Как только будешь хотеть есть, возьми сумку в руки и скажи: «Два с сумы!» А выскочут два молодца и угостят тебя...»¹⁵.

В качестве единственного источника плодородия в фольклоре выступает человеческий труд: «На один год пушу, на второй год сышу (озимые)»¹⁶, «Кто мелко заборонит, у того рожь мелка», «Глубже пахать, больше хлеба жевать», «Не нажав сошника, не выкопашешь пирога», «Железом хлеб добывают», «До солнца пройти три покоса, ходить будешь не боса», «Клади навоз густо, в амбаре не будет пусто», «Сей хлеб, не спи, будешь жать — не станешь дремать».

Само описание труда крестьянина-землепашца (пахота, сев, косьба и т. п.) тесно связано с художественным изображением практического опыта, навыков старших поколений, причем образность часто черпается

⁹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах, ГИХЛ, М., 1957, №№ 103, 136, 175, 224 и др.

¹⁰ Экспедиционные материалы кафедры русской литер. ВГУ, Зарасайский р-н Лит. ССР, 1963.

¹¹ Д. М. Садовников, Сказки и предания Самарского края, СПб., 1884, № 1.

¹² Там же, № 8.

¹³ Н. Е. Оичуков, Печорские былины, СПб., 1904, № 19.

¹⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, 2-е изд., т. 2, № 127.

¹⁵ Экспедиционные материалы кафедры русской литер. ВГУ, Аникшайский район Лит. ССР, 1964.

¹⁶ Экспедиционные материалы кафедры русской литер. ВГУ, Зарасайский район Лит. ССР, 1963.

из смежных сфер трудовой деятельности народных масс: например, русские крестьяне-рыбаки, живущие в Зарасайском районе Литовской ССР, поэтически рисуют картины земледельческого труда через конкретные образы, подсказанные характером рыболовческого промысла: «Рыба селява весь лес свилаяла, лес свял — чистый город стал» (коса, косьба)¹⁷. Подобный тип загадки распространен повсеместно: «Щука ныряет — лес погибает» (Псковская губ.); «Вышла щука из Кремчука. Если взглянет — трава вянет» (Нерчинская губ.).

Здоровое понимание того, что урожай зависит от вложенного труда и культуры земледелия (а не от божьей милости), находит подчас поэтическое обобщение в различных жанрах фольклора с подчеркнутым комизмом, иронией в адрес тех, кто верит в могущество бога: в загадке говорится: «Роемся, копаемся, в земле путляемся, не здесь ли бог — не сломать бы ног».

Практицизм и стихийный материализм проявляется, таким образом, в волшебных сказках, пословицах, загадках, связанных с сельскохозяйственным трудом и промысловым крестьянским бытом. В них утверждается победа человека-труженика над силами природы.

Само понятие счастья, удачи трактуется фольклором рационально и представлено в реальных поэтических образах, взятых из окружающей действительности и трудовой практики крестьянина. Счастье добывается трудом, мастерством, умением (Василиса Премудрая, Иван крестьянский сын, Золушка, падчерица). Народная мечта о счастливой доле, о лучшей жизни определяется характером и условиями трудовой деятельности человека. Мечта о лучшем будущем питала сказочную фантазию, — и сказка представляет уже совершившимися многие дерзновения и помысли, направленные на благо человека. Как отмечал А. М. Горький, «уже в глубокой древности люди мечтали о возможностях летать по воздуху, — об этом говорят нам легенды о фазтоне, Дедале и сыне его Икаре, а также сказка о «Ковре-самолете». Мечтали об ускорении движения — сказка о сапогах-скороходах... Мыслили о возможностях прясть и ткать в одну ночь огромное количество материи, о возможностях построить в одну ночь хорошее жилище, даже «дворец», то есть жилище, укрепленное против врага; создали прялку, одно из древнейших орудий труда, примитивный ручной станок для ткачества и создали сказку о Василисе Премудрой»¹⁸.

Сказки рассказывают, как благодаря смелости, находчивости, активной трудовой деятельности человек сам улучшает свою жизнь. Поэтические возможности этого жанра, в основе которого лежит художественная фантастика, позволяют мечту о лучшей жизни для трудового человека сделать осуществленной, при этом поэтический вымысел сказки не носит идеалистического характера, а вытекает из стихийного материализма крестьянских масс, из практики. Сказка воспевае трудолюбивых героев-умельцев, у которых любое дело спорится, а потому и счастье дается им в руки. И, наоборот, когда счастье и удача приходят случайно, без труда и моральных заслуг, сказка осуждает героя и лишает его всех добытых благ. В новых записях русских сказок, сделанных на территории Литовской ССР, есть интересная сказка «Про липку», сюжетная канва которой напоминает знаменитую сказку А. С. Пушкина про золотую рыбку. Чудесная липка одаривает старика кусочком хлеба, так как ему нечего есть; женой, так как он одинок; выполняет все возрастающие требования его жены; делает его «стар-

¹⁷ Экспедиционные материалы кафедры русской литер. ВГУ, Зарасайский район Лит. ССР, 1963.

¹⁸ А. М. Горький, Собрание сочинений, том XXVII, стр. 299—300.

шим», «царем», чтобы никому не повиноваться, а в конце концов превращает супругов в медведя и медведицу: «Чим ты был, а чим теперь ты стал? Так будь ты медведем, а жена твоя медведицей! И с того времени нашлись медведи»¹⁹.

Во всех видах народного творчества выражается твердая вера в силу человеческого разума. Познавательная функция лежит в самом замысле загадок, пословиц, сказок. В них выражены мысли и жизненные наблюдения крестьян, пыливость ума, желание познать окружающую действительность. «Не созерцание и не наблюдение издали дает загадка, а тот производственный опыт, в котором предметы сталкиваются с человеком и взаимодействуют... Загадка, давая конкретный предмет, опознает его в его происхождении, в его назначении и в диалектике его жизни», — пишет известная исследовательница загадок М. А. Рыбникова²⁰.

Сам человек, окружающая его природа, его труд и быт составляют, как видно из приводимых ранее примеров, содержание загадок, в которых мы часто находим не только познание внешней стороны явлений или предметов, но и философские обобщения, раскрытие сущности явления, здравый материалистический взгляд. Вот примеры подобных загадок: «Что на свете сильнее? (Земля)», «Что у нас чаще леса? (Звезды)», «Не пахарь, не столяр, не плотник, а первый на селе работник» (Лошадь). Суждение о предмете в пословицах с большой точностью обобщает практику, осмысляет ее результаты, дает оценку им. Загадка не только оценивает познаваемый предмет, но и его качества переносит на оценку самого человека, его трудового мастерства.

В горах родится,
Огнем крепится,
Положат на съемище,
Повезут на торжище,
Придут дочери отецкие,
Жены купецкие,
Придут его глас слушать.

В этой загадке прослежен весь цикл работы крестьянина-гончара.

Стремление познать окружающую человека природу проявляется в разнообразных сказочных сюжетах. В сказках перед героем ставятся трудные задачи. Создание народной фантазией подобных сюжетов основывается на глубокой убежденности в познаваемости окружающего мира. Так, в сказке появляется стремление предугадать погоду, и герой отправляется выполнять эту задачу, а именно: «узнать, отчего день бывает красный, отчего сумрачный»²¹.

Любимые народом женские образы — сказочные героини Елена Прекрасная, Василиса Премудрая, Марья Моревна — это мудрые девы, отличающиеся не только красотой, но умом, знаниями. В сказке «Мудрая дева» дочь-семилетка настолько мудра, что не только отгадывает

¹⁹ Экспедиционные материалы кафедры русской литер. ВГУ, Аникшийский район Лит. ССР, 1964. По указателю сказочных сюжетов Аарне-Андерсева новый вариант относится к типу сказок обозначенных № 555. Жадная старуха. (Золотая рыбка). Рыбка (птица, лиса, чудесное дерево) исполняет все желания жадной жены рыбака (хороший дом, важный чин и т. д.). Когда она выражает желание стать морской царицей (богом и пр.) все пропадает, и старик вновь находит себя в ветхой лачуге. Цитированная сказка в основном повторяет варианты, известные в записях 19 века: «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева — № 76; «Великорусские сказки в записях И. А. Худякова» — № 99. См. Указатель сюжетов в кн. «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева», подготовка текста и примечания В. Я. Проппа, т. 3, М., 1957, стр. 475.

²⁰ М. А. Рыбникова, Загадки, изд. «Академия», 1932, стр. XX.

²¹ Д. Н. Садовников, Сказки и предания Самарского края, СПб., 1884, № 12.

хитроумные загадки царя, но и своею сообразительностью, пониманием объективного соотношения вещей и явлений одерживает над ним полную победу. На предложение царя: «Когда дочь твоя мудра, вот ей ниточка шелковая: пусть к утру соткет мне полотенце узорчатое» — дочь семилетка наказывает отцу: «Пойди к царю и скажи, чтобы нашел такого мастера, который бы сделал из этого прутика кресны: было бы на чем полотенце ткать!» А на предложение царя к завтраму вывести полтора года цыплят из полтора года яиц мудрая дева отвечает через отца: «Скажи ему, что цыплятам на корм нужно однодневное пшено: в один бы день было поле спажано, просо засеяно, сжато и обмолено: другого пшена наши цыплята и клевать не станут»²².

Познание, наука позволяют сказочным героям избежать смерти, гибели и добиться желаемой цели. Сказочный герой овладевает умением превращаться в животных, понимает язык птиц²³. «Поел он кашу и разумел все разговоры, что скоты что птицы, что звери, всякого звания»²⁴. Герой русского эпоса Вольга «рыбой щукою ходил во синих морях, серым волком рыскал во темных лесах»²⁵.

Сила человеческого разума в отдельных сказках находит обобщение в фантастическом образе волшебного помощника, который обеспечивает герою изобилие, строит дворцы, молниеносно преодолевает с ним пространство, побеждает его врагов. Имя этого помощника — Шмат — Разум. Характерно, что человеческий разум, человеческое знание, по сказке, могут изменять жизнь, окружающую природу, могут творить зло и добро. Народ в своем устном творчестве выступает против использования знаний, науки во зло людям: «Говорит старик-волшебник: «Ну, старик, сын твой в науке хорош, силы могучей. Делай что хочешь, только не обманывайте в своем городе людей»²⁶. Образы чудесных помощников: сказочный волшебный конь, молодильные яблоки, живая вода, меч-саморуб, скатерть-самобранка, сапоги-скороходы, ковер-самолет, упоминавшиеся выше, автоматически действующие — «двое с сумы» и др. — вполне реально познаются героем сказки, который испытывает их чудесную силу, проверяет свое понятие об их назначении и свойствах на практике. Например, герой откручивает золотую головку чудесной тросточки со словами: «А ну-ка, что ж моя тросточка обозначает? Чему она может пригодиться... Посмотрел с одной стороны, с другой, стал вертеть головку. Никаких примет. Отломлю эту головку, — говорит, — выну золотое колечко, на палец надену. Стал отвинчивать головку — такой звук, как будто армия идет, артиллерия. Солдат испугался, опять завинтил головку. А третий солдат давай свой подарок проверять, как ему подойдет шапка, вся рваная, очень старая», а оказалось, что это шапка-невидимка²⁷.

Уважение к силе человеческого разума, к знанию выражены также и в многочисленных пословицах: «И сила уму уступает», «Голова — всему начало», «Где ум, там и толк», «Красна птица перьем, а человек — ученьем», «Ученый водит, неученый следом ходит», «Доходит ум и до бога». Значение практики, опыта для познания окружающего мира подчеркивается в различных жанрах фольклора, обобщают это народное мнение многие пословицы.

²² Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, цит. изд., т. 3, № 328.

²³ Там же, №№ 259, 248, 247, 241 и др.

²⁴ И. А. Худяков, Великорусские сказки, АН СССР, М.—Л., 1963, № 54.

²⁵ Былины Пудожского края, Петрозаводск, 1941, № 8.

²⁶ И. А. Худяков, Великорусские сказки, цит. изд., № 47.

²⁷ Экспедиционные материалы кафедры русской литературы. ВГУ, Зарасайский район Лит. ССР, 1963.

Трудовая деятельность человека, практическое освоение им окружающего мира, вера в человеческий разум — все это вступало в противоречие и идейную борьбу с религиозным идеалистическим учением церкви. Христианство основным источником и действующей силой жизни объявляло бога. На долю человека оставлялось пассивное созерцание всемогущества бога, замалчивание своих грехов и ожидание лучшей жизни за гробом. Завоевывая верующих, христианская церковь распространяла свои идеи среди народных масс в форме наиболее близкой и доступной им, воздействовало на устные народные произведения. Под воздействием церкви создавались религиозно окрашенные пословицы, в некоторые виды фольклора вовлекались мотивы и образы книжной церковной литературы. Но книжная словесность «как чуждая народной жизни», «могла только по-своему искажать то, что было живого в народе, и не в состоянии была ...проникнуться истинными его нуждами»²⁸. Реакционная религиозная идеология, проникая в отдельные виды фольклора, по словам Н. Добролюбова, «была искажением, наросом, результатом «обстоятельств, пришедших извне»²⁹, то есть насильственным влиянием церкви на устное творчество.

Идеалистическая церковная идеология не находила внутренней кровной поддержки и понимания у трудового крестьянства. В устном бытовании встречаются пословицы, разъясняющие в бытовом плане религиозные заповеди: «Без бога не до порога», «Что бог даст, то и будет», «Боб в поле сеют, на бога надеются», «Одно спасение — поста молитва» и другие. Эти религиозные идеи, распространенные в отсталых слоях патриархального крестьянства под воздействием церкви, вызвали в народной массе ответный активный протест. Подлинно народные пословицы вступали в спор, отстаивая чистоту народных взглядов на мир и человека, выступая против религиозной трактовки. Создаются целые полемические диалоги из пословиц. Приведенным выше религиозно окрашенным пословицам возражали в разнообразных вариантах передовые народные взгляды: «Пост — не мост, объехать можно», «Молился, молился, а дождь не полился», «Не так будет, как бог даст, а как мужик сделает», «Богу молись, а в делах добра ума держись», «Жилами не натянешь, то бог не даст» и др.

Некоторый налет христианской идеологии можно обнаружить и в сказках. Так, в сказке «Косоручка» вводится образ святого Николы (чаще заменен образом старичка-советчика), который исцеляет невинную и смиренную героиню³⁰.

Однако мотивы христианского смирения, упования на божью волю находили распространение под влиянием церкви лишь в отсталых слоях крестьянства. Как показывают записи сказок, пословиц и других видов фольклора, народ проявлял в своих устных произведениях скептицизм и неверие. Религиозные же предрассудки вызывались нищетой и темнотой крестьянских масс. Фольклор убедительно показывает истоки религиозных заблуждений отсталых слоев патриархального крестьянства, для которого характерен «не фатализм веры, а фатализм отчаяния»³¹: «Нужда научит бога молиться», «Нужда-богомолка», «Гром не грянет, мужик не перекрестится».

Нужда и социальное угнетение порождали в народном творчестве представление о жестоком боге, о несоответствии интересов человека

²⁸ Н. А. Добролюбов, О степени участия народности в развитии русской литературы, собр. соч., т. I, М., 1950, стр. 294.

²⁹ Там же.

³⁰ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Цит. изд. т. 2, № 280 и А. Худяков, Великорусские сказки. Цит. изд. № 22 и др.

³¹ Н. А. Добролюбов, Собр. соч., ГИХЛ, М., 1935, стр. 271.

и бога: «Человек по-своему, а бог по-своему», «Где человек не сможет, там и бог не поможет», «У бога всего много, да не для нас». В противовес церковному учению о высшей справедливости фольклор уличает бога в жестокости к простым людям. Русские женщины-вопленицы, оплакивая умерших, укоряли бога, упрекали его в несправедливости. Так, знаменитая народная поэтесса Ирина Федосова в своем плаче об убитом молнией гневно говорит о божьей несправедливости: молнией убило крестьянина за то, что он работал в Ильин день. В сказках бог рисуется несправедливым, жадным, хитрым.

В фольклоре подчас выступает ироническое отношение к богу, к святым, насмешка над верой. Иронически звучат пословицы о бессилии бога помочь бедственному положению крестьянина: «Бог сидит себе на небе, да и не думает о хлебе», «На бога надежды — сидеть без одежды», «Святой боже пахать не поможет», «Пресвятая богородица, почто рыба не ловится? — Либо невод худ, либо нет ее тут», «Где тот бог был, когда барин мужика колотил».

Много высказано народом убийственных насмешек в адрес церковного учения о рае и аде, о вере в загробный мир. Чрезвычайно популярны сказки «Вор», «С того света выходец»³², «Солдат и смерть»³³. Подобные сказки широко представлены и в новых современных записях. Глупый поп, барин наивно верят остроумному герою сказок, который выдает себя за ангела и обещает поднять их на небо в рай. Герой наказывает их и зло высмеивает веру в загробный мир. В русской сказке, записанной на территории Литовской ССР от местных старожилов, здравый взгляд на ложность церковного учения о существовании рая выражен в яркой сатирической форме: насмешка над церковным учением о рае на небесах усиливается вполне реальным, обдуманым намерением использовать эту веру для того, чтобы обмануть и наказать духовное лицо и получить обещанную награду: «Вот этот парень и говорит ксендзу: «Вставай, я есть ангел, пришел за вами. Возьми книжицу, которую ты божественную читаешь и сколько есть денег бери. Я это все отдам богу. — И вот взял его в мешок всадил и понес»³⁴. В этой сказке осмеянию духовного лица содействует комически поданная картина небесного рая, сотворенная хитрым героем: «Пошел парень, накопил раков, на спинки поставил каждому раку свечку и пустил их гулять под дом». Проснувшийся ксендз принял это за небесное явление, решил, «что свет переменялся: что-то горит и красным огнем и зеленым и белым»³⁵.

С большим удовлетворением сказки рассказывают, как легко отступают от веры и поддаются соблазну «святые», при этом вводит их в грех даже не дьявол, а простой человек — герой сказки. Игровые и шуточные песни подчас принимают антирелигиозный характер, пародируя церковную службу, церковные обряды и обычаи (комическое осмеяние поминовения, обычая божбы). Насмешка над верой и святостью икон лежит в основе остроумных сюжетов о неверной жене³⁶, в основе сказок о проделках смышленного солдата или бедняка. Так, герой, попросив в долг денег у богатого мужика, ссылается на поручительство

³² Народные сказки А. Н. Афанасьева, Цит. изд. т. 3, № 383, 391 и др.

³³ Русская сатирическая сказка, Предисловие Д. Молдавского, ГИХЛ, М., 1958, № 46.

³⁴ Экспедиционные материалы кафедры русской литер. ВГУ, Зарасайский район, 1963.

³⁵ Там же.

³⁶ По указателю сказочных сюжетов тип сказок № 1380. Вещий дуб (Никола Дупленский). См. библиографию текстов в кн. «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева», цит. изд. стр. 490.

Николая-чудотворца. Богатый спросил у иконы, поручится ли Никола-чудотворец, а жена бедняка, спрятавшись за стенкой, громко отвечала: «Поручусь!»³⁷.

Подобные сказки, известные в мировом фольклоре, в русском народном творчестве имеют особую трактовку. Как отмечает исследовательница русской сказки Э. В. Померанцева, русские варианты «выходят за пределы цикла рассказов о неверных женах и приобретают остро сатирическое звучание, поскольку на первый план выдвигаются антирелигиозные тенденции»³⁸.

Религиозная идеология стремилась утвердить в людях рабство и покорность, упование на бога, смирение и терпение. Народное творчество противопоставляло этому совершенно иной идеал человека. Пословицы утверждают, что для народа вольность всего дороже: «Хоть хвою жую, да на воле живу». Человек, согласно принципам народной эстетики, верит прежде всего в свою силу, смело вступает в борьбу с обидчиками, преодолевает все препятствия на своем жизненном пути, вступает в поединок с самой смертью, заставляя ее отступить. Удаль и молодечество, жизнь без страха, красота смелого дерзания воспеваются в народном героическом эпосе. Среди образов могучих богатырей примечателен герой новгородских былин Василий Буслаев. Образ Васьки Буслаева — грозное утверждение силы и могущества человека. Былинный герой выступает против суеверия, против религиозной морали:

А не верую я, Васенька,
Ни в сон, ни в чох,
А и верую в свой червлёный вяз³⁹.

По выражению М. Горького, богатырь Васька Буслаев поднимается здесь до богоборческого бунта.

Взгляд крестьянских масс на человека, на его взаимоотношения с природой, скептическое отношение к богу и к вере, проявляющееся в сказках, пословицах и других жанрах фольклора, свидетельствуют о стихийном материализме народных масс, о соблюдении частью крестьянства лишь внешних проявлений религиозности.

Кафедра русской литературы
Вильнюсского государственного университета
им. В. Капсукаса

Представлено
в июне 1965 года

FOLKLORAS IR LIAUDIES MASIŲ STICHINIS MATERIALIZMAS

N. MITROPOLSKAJA

Re z i u m ė

Tradicinis neapeiginis rusų folkloras straipsnyje analizuojamas, turint galvoje liaudies pasaulėžiūros bei valstiečių pažiūrų į gamtą ir žmogų poetinės išraiškos savitumą.

Gamtos aprašymų pagrindą tautosakoje sudaro konkreti valstiečio patirtis. Gamtos jėgų pajungimą žmogaus valiai, gamtos pakeitimą liaudis

³⁷ Экспедиционные материалы кафедры русской литературы ВГУ, Зарасайский район, 1963.

³⁸ Э. В. Померанцева, Судьбы русской сказки, изд. «Наука», М., 1965, стр. 14.
³⁹ Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым, М., 1938, № 19.

suvokia kaip praktinės veiklos rezultatą. Pati laimės, sėkmės sąvoka tautosakoje traktuojama racionaliai ir atskleidžiama konkrečiais poetiniais įvaizdžiais, paimtais iš gyvenimo tikrovės ir valstiečio darbo praktikos. Stichinė materialistinė liaudies pasaulėžiūra remiasi pasaulio pažinimo pripažinimu, prieštaraudama idealistinei, religinei ideologijai, dėjusiai pastangų paveikti liaudies kūrybą.

Apart žinomų tautosakos rinkinių, autorė remiasi nepaskelbtais pasakų, patarlių, mįslių tekstais, užrašytais rusų gyvenvietėse Lietuvoje — Zarasų, Anykščių, Rokiškio rajonuose.
